

Т.А.Алексеева

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Политика как всякая социальная деятельность осуществляется посредством языка как письменного (в книгах, брошюрах или манифестах, листовках и плакатах), так и устного (в речах на митингах, скандировании демонстрантов или лекциях по политической философии). На первый взгляд, язык – это просто система выражения, использующая свои символы – слова, в свою очередь, репрезентирующие вещи, в том числе, физические объекты, чувства, идеи и т. д. Такой подход предполагает пассивный характер языка, коль скоро его роль сводится просто к зеркальному отражению реальности. На самом деле, язык является также активной силой, способной разбудить воображение и даже вызвать эмоциональный взрыв. Слова не только рефлектируют окружающую нас действительность, но и воздействуют на наше видение реальности, структурируют наш взгляд на мир. Скажем более четко: слова формируют мир вокруг нас.

Одновременно язык – важнейшее средство манипуляции у профессиональных политиков. Для них, заинтересованных в защите определенного политического курса, язык обычно обладает инструментальной и пропагандистской ценностью. Язык становится не просто средством коммуникации, а превращается в политическое оружие, служащее реализации скрытых или явных политических намерений. Например, военное вторжение на территорию другой страны может быть описано, в зависимости от намерений и идеологических предпочтений, и как «нарушение суверенитета», и как «освобождение от тирании». Иной раз, политические эвфемизмы превращаются в род искусства, проявлением которого стали известные лозунги из романа Джорджа Оруэлла «1984»: война – это мир; свобода – это рабство; незнание – сила; и т. д.

В конце XX столетия на Западе широкое распространение получило понятие «*политической корректности*». Благодаря давлению со стороны феминистских движений и движений за гражданские права получило признание представление о том, что язык неизбежно отражает властную структуру общества, и способствует дискриминации подчиненных групп. Например, в этой логике понятие «man», «mankind» (человек, человечество) носит сексистский характер, поскольку как бы исключает из принадлежности в роду человеческому женщин. Некоторые понятия при придании им «женских» окончаний,

теряют свою респектабельность (сравните, генерал и генеральша – жена генерала, а как будет женщина-генерал?). В силу аналогичной логики, в США перестали употреблять понятие «негр» как оскорбительное, заменив его «афро-американцем», а на международном уровне «недоразвитые» и «отсталые» страны получили наименование «развивающихся».

Таким образом, слово – отнюдь не безобидно. Поэтому наука обычно прибегает к использованию определений, увязывающих слова с конкретным значением. Однако это довольно трудно сделать с политическими понятиями и определениями. Политические термины выражают определенные политические идеи, концепции и ценности, которые сами по себе носят сложный, комплексный характер и часто, с точки зрения их смысловой составляющей, подвергаются опровержениям. Кроме того, большинство политических понятий имеет идеологическую окраску, т. е. их поддерживает группа утверждений и верований, оказывающая влияние на приписываемый им смысл. Даже при самом аккуратном употреблении этих понятий и максимально жестком формулировании их определений, язык все равно обнаруживает тенденцию к упрощению смысла и искаженной репрезентации реального мира.

Идея, в ее наиболее простой форме, это ментальный образ, объект, воспринятый разумом. Под понятие «идеи» подпадают как самая простенькая мысль, так и теория (развитая система убеждений). Однако для того, чтобы идеи использовались в процессе мышления, они должны превратиться в полноценные «концепции». Концепция – это нечто большее, чем простое наименование явления или вещи. Можно, например, говорить о концепции «президентства». В этом случае, мы имеем в виду не конкретного президента, а совокупность идей о способе организации исполнительной власти. Концепция, таким образом, носит общий (всеобщий) характер в том смысле, что может быть применена к нескольким объектам, в широком смысле – ко всем объектам, обладающим теми же определенными характеристиками.

Формирование концепций – это необходимый шаг в процессе рассуждений; концепции – «инструменты», с помощью которых мы думаем, критикуем, аргументируем, объясняем и анализируем. Простое наблюдение за окружающим миром еще не дает нам знания об этом мире. Для того, чтоб сделать наше восприятие окружающей действительности осмысленным, мы должны придать наблюдаемым нами явлениям смысл – это происходит через конструирование концепций. Для того, чтобы воспользоваться автомобилем, мы должны иметь представление о том, что такое автомобиль, т. е. сформировать для себя концепцию автомобиля. Та же самая процедура применяется и в рассуждениях о политике: мы строим знание о политическом мире, не просто наблюдая за текущим политическим процессом, а разрабатывая и оттачивая концепции, позволяющие нам увидеть в нем смысл.

С этой точки зрения, концепции – это строительные блоки политического знания.

Какой бы способ аргументации мы ни применяли, концепции в процессе рассуждения всегда играют важнейшую роль, поскольку все теории сконструированы из концепций. Поэтому первый шаг в процессе понимания заключается в разъяснении смысла используемых концепций.

В политике разъяснение концепций, как правило, задача исключительной трудности. Во-первых, политическая реальность, которой мы стремимся придать смысл, сама по себе находится в ситуации постоянного изменения и отличается большой сложностью. Такие концепции как «демократия», «капитализм», «тоталитаризм» или «социализм» всегда подвержены опасности представать более целостными, нежели связанные с ними феномены, которые с их помощью пытаются описать. Теория и практика отнюдь не всегда совпадают, насколько бы аккуратно и тщательно ни были отточены концепции. Эту проблему Макс Вебер попытался решить с помощью введения понятия «идеальных типов». Концептуальные абстракции могут быть сконструированы через выявление основополагающих, базовых черт рассматриваемого феномена, в то время как другие черты либо игнорируются вообще, либо им придается менее значимый статус.

Преимуществом идеальных типов является то, что, накладывая структуру на сложную политическую реальность, мы получаем возможность понимания действительности. Тем не менее, в любом случае наше знание останется несовершенным, поскольку идеальный тип в лучшем случае дает нам некое приближение к реальности. Например, мы используем концепцию «государства» для объяснения современного устройства власти в России и в Древнеавилонском царстве. Хотя концепция «государства» и вскрывает важное сходство между двумя способами организации власти, она также затушевывает весьма важные различия. Поэтому будет ошибкой рассматривать идеальные типы как «истинные» или «ложные», они интересны нам только с точки зрения полезности для целей нашего анализа.

Еще одна проблема заключается в том, что сама политика – это поле боя между сторонниками разных идеологических воззрений и теоретических традиций. Часто разные политические аргументы выдвигают люди, стоящие на одних и тех же принципах и придерживающиеся общего идеала. Тогда они начинают утверждать, что именно их взгляд полностью адекватен «реальному социализму», «подлинной демократии», «истинной» справедливости и т. д. Однако, как мы увидим ниже, практически все политические концепции допускают множество интерпретаций.

Наконец, определенные трудности возникают также в связи с интерпретацией нормативных и описательных концепций. Нормативные концепции часто описывают как «ценности»: они связаны с моральными принципами или идеалами, которые мы *должны* и *призваны*

реализовать. К числу таких концепций можно отнести понятия свободы, справедливости, прав человека, равенства, толерантности и др. Они всегда содержат ценностное измерение. Ценности, или нормативные концепции, таким образом, скорее поддерживают или предписывают определенные формы поведения, нежели описывают события и факты. Часто в силу этого бывает довольно трудно отделить политические ценности от моральных, философских и идеологических убеждений тех, кто выступает в их поддержку. Описательные, или иначе, позитивные концепции, наоборот, относятся к «фактам», имеющим, как предполагается, объективный, наглядно демонстрируемый характер. Они обращены к тому, что *существует*.

Введение различия между «фактами» и «ценностями» часто считается необходимой предпосылкой ясного мышления. Если «ценности» могут рассматриваться как отражения чьего-то мнения, то предполагается, будто описательные концепции имеют «нейтральный», «свободный от ценностей» характер. Поэтому «факты» становятся объектом научного исследования. Проблема политических концепций, однако, заключается в том, что в них фактическая и ценностная составляющие, как правило, тесно переплетены – даже чисто описательные концепции обязательно имеют моральные и идеологические стороны.

Некоторые политические концепции могут, на первый взгляд, вообще не быть связанными с объективными фактами. В их роли нередко выступают социальные конструкции, идеологический характер которых вообще не вызывает никаких сомнений.

Таким образом, всякое понятие в политической философии или теории, благодаря договоренности между исследователями, наделяется статусом всеобщности. В результате академическое мышление стремится превратить политическую реальность в систему понятий (концепций), то есть перевести ряд пунктов политического здравого смысла на академически приемлемый язык и, от изощренности перевода, в конечном счете, зависит, прочтут ли его как политическую публицистику, интеллектуальное эссе, или философское произведение¹. Но именно эта всеобщность («авторитарность», по Бахтину) заслоняет от взгляда исследователя политическую реальность. Как следствие, дальнейшее исследование направлено на изучение соотношения слов, а отнюдь не на соотношение реалий. Для того, чтобы прорваться сквозь слова к реалиям, необходима **актуализация концепции**, то есть искусственное, осуществляемое в исследовательских целях столкновение смыслов, как бы скрытых, успокоенных внутри каждой концепции².

Под концепциями, таким образом, здесь мы понимаем термины или определения, в основе которых находится договор о довербальном контексте их употребления. К подобным понятиям можно отнести такие концепты как «порядок», «справедливость», «равенство», «свобода», «развитие» и др.

¹ Bourdieu.
L'ontologie politique
de Martin Heidegger.
– Paris, 1988. – P. 84-
89.

² Ильин М. В. Слова и
смыслы. Опыт
описания ключевых
политических
понятий. – М., 1997.

Процесс «разъяснения», или «актуализации» концепций неизбежно включает решение о том, какие именно части концепции мы подчеркиваем и подтверждаем, а от каких мы откажемся или начнем их пересматривать.

Одной из важнейших задач политического философа и становится преодоление таких концептуальных затруднений. Тем не менее, когда мы анализируем споры философов о наилучшем способе интерпретации политической концепции, то редко встречаемся с беспристрастным поиском истины, равно как и признанием того, что утверждения их оппонентов также не лишены своей логики. Для многих философов, особенно социалистической ориентации, распределительная справедливость выступает в качестве фундаментального морального императива. Для других, например, для Фридриха фон Хайека, лауреата Нобелевской премии, сторонника рынка и противника плановой экономики, понятие «социальной справедливости» представляется «оскорблением» самого понятия «справедливость».

Подобные споры представляются неразрешимыми, поскольку, в силу превращения столкновения мнений в политический конфликт, не носят беспристрастного характера. Но почему концептуальные споры о справедливости, или свободе, или равенстве, и т. п., обязательно приобретают политический характер?

Современный американский политический философ В.Галли в своем эссе «Сущностно конкурирующие концепции³» попытался объяснить природу споров о политических концепциях⁴. Раскрывая различия в толковании понятий «свободы», «равенства», «справедливости», «демократии» и других, Галли обратил внимание на комплексный характер этих концепций. Каждая из них содержит в себе множество вариантов интерпретации. При этом внутриконтентуальные различия носят столь глубокий характер, что никакое нейтральное или раз и навсегда зафиксированное определение политического понятия невозможно в принципе (это происходит только в идеологиях, но не в теории или в науке в целом). Фактически каждый термин воплощает в себе несколько конкурирующих между собой концепций, причем ни одну из них мы не можем признать в качестве «истинной». Смысл своего подхода он объяснил на следующем примере:

Мы все знакомы с идеей чемпионата в спорте. Обычно проводится ежегодное соревнование. Какой-то человек или команда на основании определенных правил получают титул «чемпиона года», сохраняющийся за ним до следующего сезона. Галли предложил представить себе другой тип чемпионата, обладающий некоторыми необычными чертами:

- Каждая команда обладает определенным стилем игры; одним командам присуща скорость, другие преуспели в мощи и стратегии;
- Чемпион получает награду не в силу наличия каких-то определенных установленных правил, в отношении которых заранее

³ В. Галли употребляет в названии своей работы термин «essential contestability». Некоторые отечественные теоретики – В. Г.Ледяев, М. В.Ильин, переводят его как «сущностная оспариваемость». Однако в этом случае необходимо сразу же давать пояснение, что «сущностная оспариваемость» – это не простая оспариваемость, а нормативная. На мой взгляд, перевод понятия как «сущностно конкурентные понятия» (или концепции) более точно передает содержание, подчеркивая соревновательность, состязательность смыслов.

⁴ Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // In: Philosophy and the Historical Understanding. – N Y. 1968. – P. 157-191.

достигнуто соглашение, а на основании стиля и уровня игры. Все, тем не менее, согласны, что чемпионом станет команда, «играющая лучше всех»;

- Не существует какой-то конкретной временной точки, когда команда становится чемпионом, она также не сохраняет свой титул на протяжении какого-то зафиксированного периода. Поскольку игры продолжаются постоянно, команда может быть провозглашена чемпионом сегодня и свергнута со своего пьедестала завтра;
- Во время соревнования нет официальных судей. У каждой стороны есть свои верные болельщики, равно как и менее лояльные «фланирующие» сторонники, которые, в конце концов, и провозглашают команду в качестве «самой лучшей»;
- Болельщики каждой из команд объявляют ее «подлинным» или «истинным» чемпионом. Даже если одна из команд чаще выигрывает, болельщики другой команды будут настаивать на том, что чемпионом является именно их команда, поскольку стиль ее игры превосходит стиль игры первой, а это, мол, гораздо важнее.

По мнению Галли, чемпионат такого типа будут характеризоваться бесконечными спорами о том, кто же все-таки является чемпионом. Такой спор невозможно разрешить: нынешнему чемпиону всегда будет брошен «вызов», поскольку остается неясным, какой именно аспект игры считается самым важным для победы в соревновании. В этом смысле чемпионат – «сущностно конкурентен». Эта аналогия, по мнению Галли, очень хорошо поясняет ситуацию с политическими концепциями:

- Концепция должна получить оценку, причем оценку положительную: она должна указывать на нечто, являющееся ценным, хорошим, правильным, достойным и т. д. При этом каждая «команда» стремится к получению титула «чемпиона»;
- Природа концепции должна быть комплексной, сложной, тогда можно будет подчеркнуть разные части концепции;
- Правильность, ценность и т. д. концепции может получить разное объяснение, в зависимости от того, какой именно аспект концепции поддерживает тот или иной сторонник;
- Концепция открыта для новых интерпретаций;
- Участники спора понимают, что их собственное использование концепций будет неизбежно опровергнуто. У каждой из сторон спора есть свое понимание и оценка противоположной стороны и того, какой именно аспект концепции она использует;
- Поскольку все участники спора должны поддерживать собственный способ использования концепции, все они стремятся доказать, что именно их аспект является наиболее важным и опровергнуть аспекты, поддерживаемые противоположной стороной.

Таким образом, по Галли, всякая оценка «правильности» или «неправильности» концепции неизбежно приобретает ценностный характер, то есть отражает мировоззренческие предпочтения интерпретатора. А это означает, что на уровне рациональных аргументов спор между ними бессмыслен. Получается, что ни одно определение (если, разумеется, речь идет о профессиональном споре) не имеет приоритета перед другим. Эмпирические данные также никак не могут помочь в установлении адекватности того или иного определения.

В.Галли вводит важное различие между «**концептом**» и разными «**концепциями**». Ядро концепта составляют характеристики понятия. Когда разворачивается конкуренция между концепциями или их отдельными частями, то можно предположить наличие у них общего ядра, или, иначе, «смыслового сгустка, позволяющего сгруппировать какие-то явления, обладающие общими признаками, под одной «шапкой». Однако это не какое-то твердое ядро, неподвижное и устойчивое» (core). Всякий концепт предполагает подвижность, изменчивость, способность как бы «плавать» внутри концепции. Это не столько твердое ядро, сколько нервный узел концепции (sore). В противном случае мы не могли бы утверждать, что конкуренция разворачивается вокруг одного и того же понятия, ибо она выражается в наилучшем анализе и развитии понятия. Каждую из интерпретаций концепта мы можем назвать его концепциями. Иными словами, мы понимаем каждую концепцию как раскрытие смысла и развитие концепта.

Однако, по Витгенштейну («Не говори, что **должно** быть что-то общее..., а **посмотри** и **попробуй** увидеть, есть ли вообще нечто общее»), мы не должны позиционировать общее ядро в применении таких концептов как справедливость, равенство или свобода. Вместо того, чтобы рассматривать различные концепции как развивающие общее ядро (как это делает Галли), лучше подойти к ним как к дающим различные оценки кластеров идей, убеждений и действий, определяющих сцену концептуального спора. Может случиться так, что тот единственный элемент или часть концепции, с которым будут согласны все участники спора, вообще не существует; но поскольку каждая концепция дает интерпретацию комплекса ценностей, убеждений и действий (обладающих семейным сходством), она может вступать в конкуренцию с другими концепциями.

При таком подходе концепция идентифицирует какую-то часть кластера (или языковой игры) в качестве имеющей решающее значение для ее понимания, в то же время, настаивая, что другие элементы кластера имеют меньшее значение, а некоторые вообще могут быть отброшены. Можно сказать, что концепция организует кластер убеждений, ценностей и деятельности, показывая, какие из них являются наиболее важными, и как они все связаны друг с другом⁵.

⁵ Gaus. Op. cit. –
p. 32.

В любом случае, «сущностная конкуренция концепций» имеет одно немаловажное следствие: такой подход исключает возможность

выработки общепринятой концепции того или иного феномена, например, свободы или власти. Ведь исследователей всегда будут интересовать их разные аспекты, а общее понятие не может быть применено во всех ситуациях. Но как же тогда быть со всеми теми определениями, которые студенты зазубривают на первом курсе? Они полезны, поскольку дают общие представления о категориях политологии, однако на почве политической философии все зыбко, неустойчиво и изменчиво как сама жизнь.

Тем не менее, встает вопрос: можно ли считать «сущностно конкурентными концепциями» все понятия, с которыми нам приходится сталкиваться в политической науке? По мнению Э.Гидценса, весь концептуальный аппарат социальных наук в каком-то смысле является ценностно нагруженным, поэтому нельзя сказать, что какие-то понятия «сущностно конкурентны», а какие-то нет⁶. Сам В.Галли ограничивает применимость своего подхода следующими условиями – по его мнению, сущностно конкуренты только концепции, которые:

- 1) описывают какие-то значимые ценности;
- 2) имеют сложную структуру;
- 3) изначально допускают разные объяснения;
- 4) открыты для новых толкований.

По его мнению, в политическом дискурсе вообще нет понятий иного рода.

Некоторые авторы, например, отечественный теоретик М.В.Ильин, вводят различие между «сущностно оспариваемыми» и «конвенциональными» понятиями. К «конвенциональным понятиям» он относит такие, которые уже оторвались от практического опыта личности: понятия, находящиеся в стадии формирования, обычно «сущностно оспариваемы», по мере абстрагирования и рафинирования понятия приобретают отчужденный, безличный характер, т. е. становятся «конвенциональными». Однако они вновь могут вернуться в практику и восстановить свой «сущностно оспариваемый характер». По мнению М.В.Ильина конвенциональные понятия присущи, главным образом, природной сфере, в социальной области присутствует и тот, и другой тип понятий, а в политическом дискурсе преобладают «сущностно оспариваемые» концепции⁷. Т.Болл считает, что различие носит исторический характер. Добавим, что смыслы могут меняться также и в зависимости от культуры, например, в западной традиции или, скажем, в японской, или в русской.

Конечно, идея «сущностной конкуренции» применима далеко не всегда. В ряде случаев, предпочтительнее ввести новые понятия, а не дробить уже существующие, предлагая новые варианты интерпретаций. Иногда в политологии оценочные суждения в принципе недопустимы. Однако там, где речь идет о базовых ценностях – свободе, равенстве, справедливости и других, то есть о тех ценностях, которые и составляют сердцевину политической философии, на наш взгляд, именно подход с позиции «сущностно конкурентных концепций» позволяет

⁶ Там же. – С. 87.

⁷ Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М., 1997. – С. 22-24.

понять, почему именно эти ценности оказались в центре идеологических «кливажей», то есть разъединений. Посмотрим, как же это происходит.

Политические
идеологии как
системы
концепций

Мы выяснили, что концепции находятся в перманентной конкуренции друг с другом. Однако это еще не объясняет, почему мы вкладываем в них столько эмоций в политической борьбе и почему полностью отвергаем самые убедительные доводы оппонентов. Обратимся к работам американского политолога Майкла Фридэна, попытавшегося объяснить это феномен. Политические концепции, – указывает Фридэн – образуют целостные системы идей, создающих основание для объяснения и критики политической жизни, то, что он называет «идеологиями». Это основные строительные блоки нашего мышления о политике⁸. Из этих строительных блоков – концепций свободы, равенства, справедливости, власти, авторитета и т. д., связанных между собой определенным образом, и образуются все современные политические идеологии.

⁸ Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – Oxford, 1996. – P. 2.

Таким образом, либерализм, социализм и консерватизм – это идеологии, составленные из взаимосвязанных интерпретаций политических концепций. Либерализм создает систему концепций вокруг определенной концепции свободы и соответствующим ей пониманием равенства и справедливости, поддерживая определенное либеральное понимание авторитета и демократии. Важно подчеркнуть, что по Фридэну, либерализм (то же может быть сказано и по поводу других идеологий) – это не просто группа политических концепций, а система интерпретации совокупности политических концепций. Например, интерпретация свободы поддерживает и в свою очередь поддерживается интерпретациями равенства, справедливости и авторитета.

Если мы именно так понимаем политические взгляды, то можно увидеть, почему, например, споры между либералами и социалистами всегда имеют две характерные черты.

Во-первых, связь между концепциями носит глубинный характер. Приверженность социалистов идее социальной справедливости вытекает из убеждений по поводу равенства и свободы, и их места в политической жизни. Тогда «вызов» их взглядам по поводу социальной справедливости одновременно означает отрицание всей социалистической системы концепций, всей социалистической идеологии. Это связано с тем, что интерпретация одной концепции связана с интерпретацией всех других концепций. Аналогичным образом, и либерал, когда ставятся под сомнение его взгляды на справедливость, чувствует неприятие его взглядов также на свободу, равенство, политическую жизнь. В споре по поводу социальной справедливости речь идет не только об этом понятии, а о всеобъемлющем понимании политики, а возможно, и неполитической жизни.

Во-вторых, затрагивая все наши взгляды на политику и общество, споры такого рода ведут к последующему несогласию с представлением о природе свободы, власти, равенства и авторитета. Иными словами, несогласие не просто приобретает кругообразный характер, оно продвигается все дальше и дальше, захватывая все новые и новые сферы, препятствуя нахождению каких-либо аргументов, которые могли бы способствовать достижению согласия.

Фридэн указывает на три основных способа связи политических концепций:

Во-первых, Фридэн допускает, что разум, или то, что мы называем «логикой», организует наши убеждения. Разумеется, это именно то, что лежит в центре сократовского метода рассуждений, да и вообще всей философии. Убеждения рационального человека должны быть последовательными. Концепции поддерживают друг друга, складываясь в разумное и связанное мировоззрение.

Во-вторых, идеологии не просто организованы благодаря разуму. Поскольку идеологии представляют собой концептуальные социальные карты, указующие путь для политических решений, и должны сделать это на языке, доступном массам, равно как и интеллектуалам, любителям и профессионалам, они легко сочетают в себе разум и эмоции⁹. Иными словами, идеологии должны быть рационально обоснованными, и одновременно эмоционально привлекательными. Такого рода эмоциональная окраска позволяет относительно безболезненно нарушать логику обоснования, сочетать в себе несовместимые убеждения, придавая, тем самым, идеологиям эклектический характер.

В-третьих, идеологии во многом предопределяются культурой и историей данного конкретного общества. Какие комбинации концепций и интерпретации оказываются принятыми, а какие нет, в значительной степени определяется историческими и культурными факторами, а не только разумом. Помимо всего прочего, идеологии присущи социальным группам и оттачиваются благодаря наличию политического и социального конфликта по поводу власти. Их характер зависит от особенностей этих конфликтов. Коль скоро «идеологии осуществляют ряд услуг, таких как легитимация, упорядочивание, упрощение и ориентация действий», то конфигурации концепций, создаваемых ею, возникают в зависимости от служения этим целям»¹⁰.

Таким образом, разум – отнюдь не единственный и даже не главный организующий принцип идеологии. Пересмотр идеологических интерпретаций концепции с тем, чтобы она в большей степени соответствовала требованиям разумности, означает игнорирование той «сцепки», которая удерживает единство идеологии как эмоционально-политически-культурно-рационального коктейля.

Итак, мы выяснили, что концепции находятся в перманентной конкуренции друг с другом, то же можно сказать и о конкуренции интерпретаций одной и той же концепции. В политической философии, как и в философии вообще, всякое понятие и утверждение может быть

⁹ Ibid. p. 30.

¹⁰ Ibid. P. 22.

оспорено (в этом ее принципиальное отличие от идеологии, где некая интерпретация становится устойчивой, неподвижной и неоспоримой, принимается на веру, т. е. воспринимается некритично). Выше уже отмечалось, что отличие «сущностной конкуренции» от простой оспариваемости заключается в том, что она всегда носит нормативный характер, то есть идеологическая, мировоззренческая составляющая как бы изначально «встроена» в оценочное суждение. Однако это еще не объясняет, почему мы вкладываем в них столько эмоций в политической борьбе и почему полностью отвергаем самые убедительные доводы оппонентов. Вновь обратимся к работам американского политолога М. Фридена, попытавшегося объяснить это феномен. Политические концепции образуют то, что он называет «идеологиями», целостными системами идей, создающих основание для объяснения и критики политической жизни, – это основные строительные блоки нашего мышления о политике¹¹. Из этих строительных блоков – концепций свободы, равенства справедливости, власти, авторитета и т. д., связанных между собой определенным образом, и образуются все современные политические идеологии.

¹¹ Frieden, M.
Op. cit. – P. 2.

Идеологии и политическая философия

Английский политический философ Дэвид Маклеллан начинает свое исследование идеологий со следующего утверждения: «Идеология – наиболее смутная концепция в социальных науках»¹². И это действительно так: чуть ли ни каждый политический теоретик пытался дать идеологии собственное определение. Рискую предельно редуцировать наиболее признанные подходы к этой проблеме (дискуссия вокруг этой проблемы изрядно напоминает диалог между слепыми и глухими), все же попытаемся выделить вслед за Роджером Итвеллом четыре основных представления об идеологиях, утвердившихся в современной науке¹³:

¹² McLellan, D. Ideology.
– Buckingham, 1995. P. 1.

¹³ Contemporary
Political Ideologies/
Ed. By R. Eatwell and
A. Wright. – London,
1999. – P. 3.

1. **Идеология как политическая мысль.** Этот подход применяется, когда речь идет о великих «измах», например, либерализме или социализме. Он обычно концентрирует внимание на таких вопросах как: где пределы свободы, должны ли мы терпеть нетерпимое? Существует ли противоречие между либеральным акцентом на индивидуальной автономии и рациональности, с одной стороны, и капиталистическим рынком, с другой?
2. **Идеология как совокупность убеждений и норм.** Этот подход говорит, главным образом, о совокупности взглядов, присущих обычным людям. Идеология в этом смысле обычно носит менее систематизированный характер. Например, многие на Западе воспринимают неравенство в доходах как данность, хотя и не могут сформулировать целостную либерально-капиталистическую идеологию.
3. **Идеология как язык, символы и мифы.** Этот подход сориентирован преимущественно на дискурс и иконографию (семиотику).

Например, сюда можно отнести некоторые представления, утверждающиеся в обществе благодаря рекламе и символике, например, через символы на монетах или деньгах.

4. **Идеология как власть элиты.** В этом случае речь идет о совокупности практик, используемых элитой для обеспечения благополучия и поддержки своего политического курса. В прошлом для этой цели использовались преимущественно физические репрессии, ныне же медиа-магнаты или государственная система образования обычно рассматриваются в качестве основания конформизма.

Где же все-таки проходит граница, если она есть, между политической идеологией и политической философией? Возможно ли политическое мышление, полностью очищенное от идеологических влияний? На эти вопросы существует множество ответов. Один из них предлагает всю политическую мысль разделить на две части – идеологическую и неидеологическую. Иными словами, предполагается ведение некоей иерархии с точки зрения истины. Такое различие предполагает, что на политической сцене присутствуют как подлинные феномены, так и иллюзии, а также, что объективные условия или логические аргументы могут показать иллюзорность и ложность некоторых представлений и выявить в них истинное ядро. Так, например, марксисты считали, что истина, в конце концов, возобладает, а иллюзии рассеются. Однако постмарксисты сами такой подход восприняли как иллюзорный: по их мнению, большая часть населения пребывает в «социальном (политическом) воображаемом», создаваемом с помощью риторики, упрощений, виртуальных манипуляций и откровенной лжи. Оно не в состоянии ни выйти из этого иллюзорного мира, ни осознать искаженность своих воззрений.

Некоторые современные политические философы немарксистской ориентации также признают разделение на идеологическую и неидеологическую сферы, но делают это по иным основаниям. Они утверждают, что моральные принципы могут приобрести универсальный статус, если отражают лучшие стороны практической политики и конструируются с помощью адекватных логических и этических процедур. С такой точки зрения идеологии становятся неполными, слабыми и интеллектуально ущербными способами мышления о политике и не отвечают нормативным требованиям.

Еще один вариант подхода: противопоставить идеологию и политическую философию, подчеркнув их параллелизм. Но тогда всякое осмысленное и артикулированное мышление о политике обязательно будет иметь в себе идеологический аспект – именно по этому пути пошли теоретики, придерживающиеся англо-американской традиции мышления.

На самом деле, споры вокруг этой проблемы часто бывают бесполезными. Они во многом опираются на старые политические предрассудки и мешают появлению новых подходов к проблемам идеологии.

Политическое мышление становится идеологическим, считает Фриден, в силу чисто лингвистической потребности и необходимости в интерпретации, что заставляет нас сделать выбор между «сущностно конкурентными концепциями». Идеологический элемент является необходимым в осмыслении политического, как минимум, в силу четырех необходимых черт: типичности, влияния, контекстуального творчества и, наконец, коммуникации в обыденном языке¹⁴.

¹⁴ Freeden M. What is Special about Ideologies? // Journal of Political Ideologies. 2001. February. Vol. 6. Nr. 1. – P. 5-9.

Типичность связана с нашим представлением об идеологии и о политической философии. Дело в том, что сама природа политики сориентирована на достижение коллективных целей, достигаемых с помощью все более широкого демократического участия в ряде сфер политики. Она также акцентирует взаимосвязь между нормами, массовым и всеобщим, с одной стороны, и с ненормальным, необычным, уникальным и маргинальным, с другой. Большинство политических философов стараются предложить читателям нечто необычное, что и подается как нечто качественно более высокое, акцентирующее его исключительную индивидуальность. Усредненное же, обычное кажется такому мыслителю неадекватным требованием интеллектуальной академической среды. С этой точки зрения, политическая философия – элитарное занятие, предполагающее высокий уровень квалификации и специализации, как бы, занятие не для всех, а только для наиболее интеллектуально продвинутых. Однако при таком подходе наше представление о политике будет неполным. Идеологии значительно ближе подходят к характеристике политического процесса, поскольку они сами являются политическим феноменом. Идеологии представляют собой способ организации политической мысли, обращающий внимание на самые важные идеи и предположения, предопределяющие политическое поведение. И до тех пор, пока мы относимся с уважением к убеждениям и верованиям, присутствующим в обществе, без идеологий мы вообще не сможем понять и оценить политику. Безусловно, типичные представления недостаточны для полноценного знания политики, но они создают необходимую основу для того, чтобы почувствовать пульс данного общества. Но идеологии никогда не бывают раз и навсегда сформулированными, неизменными типами выражения представлений, – скорее, они отражают тенденции в движении и распределении политических идей в обществе в данное время, то есть оказываются субъектом бесконечных изменений.

Следует указать, что нередко в процессе исследования типичность путают с консервативностью. В самом деле, различить их иногда бывает довольно трудно. Большинство идеологий новых социальных движений бросают «вызов» установившимся парадигмам на основании необычайной естественности идей и категорий, которые они выдвигают. Поэтому если мы будем опираться исключительно на типичность как характеристику идеологии, то рискуем утратить внимание к инновациям, что, в конце концов, приведет нас к недооценке плюрализма и внутренних конфликтов в политической культуре – в

ней может наличествовать не один, а множество вариантов типичности. Идеологии, скорее, следует рассматривать как включенные в большие кластеры на основе семейного сходства, нежели в качестве отдельных «философий». Их создали группы и они предопределены для потребления группами, но их политическая, равно как и интеллектуальная польза снижается тем больше, чем более фрагментарными они становятся. Именно в силу этого типичность, хотя бы отчасти, превращается в политическое условие успешности той или иной идеологии.

Обращение к такой характеристике идеологий как **влиятельность** также связано с некоторыми проблемами. Одной из важнейших функций идеологий является установление определенных рамок для принятия политических решений, без которых невозможно ни одно политическое действие. Принимая решение, с какой именно идеологией следует познакомиться, мы как бы заранее соглашаемся с предположением об ее влиятельности в качестве инструмента власти и политического выбора. Идеологии, в конечном счете, придуманы для того, чтобы оказывать влияние на массы или хотя бы наиболее важные политические группы, направлять формирование и реализацию публичной политики, а также осуществлять контроль над языком политики. Обычно успех или неуспех той или иной идеологии оценивается «*a posteriori*». Идеологии, как предполагается, оказывают влияние на политику, поскольку у них обычно бывает много сторонников, и поскольку идеи, содержащиеся в них, затрагивают нервные узлы проблем данного общества. Именно поэтому их боятся и восхваляют в качестве конструктов власти.

Но тогда, что же все-таки следует считать влиянием? Специалисты по истории политических учений обычно утверждают, что практически в любом политическом действии они могут найти отголоски идей Аристотеля, Гоббса, Макиавелли и других великих мыслителей предшествующих эпох. Это делается для того, чтобы подчеркнуть качество избранного сюжета, его связь с общепринятыми критериями «высокой» политической теории. Как следствие, очень часто абстрактное сходство разрушает контекстуальную идентичность рассматриваемого вопроса. Эта задача еще более трудна в практической политике. Не так уж часто доводится увидеть политика, размахивающего перед аудиторией томом сочинений какого-либо великого мыслителя (если только речь не идет о тоталитарных системах, где вожди обычно подчеркивают свою полную преемственность с «основоположниками» того или иного учения). По мнению ряда исследователей – это чуть ли не главный признак различия между тоталитарными и нетоталитарными идеологиями. Легко заметить, что тоталитарные идеологии значительно чаще обращаются к цитатам из «классиков» и даже, подобно китайцам во времена Мао Цзедуна, издают специальные красные книжечки с цитатами из работ «основоположников» и «вождей». Нетоталитарным идеологиям такой подход обычно бывает чужд – это связано с наличием множества текстов, весьма гибко интерпретирующих

первоисточники, или даже с отсутствием канонического текста как такового.

Следует также принять во внимание, что идеологии – инструменты влияния на политическое поведение. И хотя политическая философия до определенной степени аналогичным образом рассматривает свою роль, это просто показывает, что и она также имеет идеологическую составляющую в мышлении о политике.

Трудность с применением этой характеристики связана, прежде всего, с тем, что наши ценностные суждения подвержены временным колебаниям и зависят в немалой степени от количественных показателей влияния. С этой проблемой, кстати говоря, в свое время столкнулись бихевиоралисты. Они далеко не всегда были в состоянии представить количественные показатели влияния. В то же время, необходимость качественной оценки идеологии предполагает наличие какой-то точки отсчета, но это сродни поиску камня в зыбучих песках. Можем ли мы с уверенностью утверждать, что идеология, которую мы называли фашизмом, действительно потерпела поражение в 1945 году? Является ли либерализм порождением утилитаризма, или же, наоборот, это попытки отойти от утилитаристских предпосылок? Сама идея победы (или поражения) какой-то идеологии противоречит тому факту, что время их конкуренции никак не ограничено. Кроме того, они невозможны в ситуации плюрализма и фрагментации, присущей современным сложным обществам. Данная идеология может в конкретный период времени действительно приобрести наступательный характер, однако, одновременно проиграв другие битвы. Заслуга марксизма, например, заключается в том, что он ввел понятие «социальной детерминированности» природы человека и политического действия, указал тенденции к будущей глобализации. Однако, множество других идей, однажды принадлежавших ему (например, понятие «разделения труда» или «неизбежности исторического развития в направлении коммунизма»), позднее были оспорены. Аналогичным образом, либерализм ввел понятие прав человека во все цивилизованные формы политического дискурса, однако оказался неубедительным в других своих аспектах (например, в утверждении индивидуальной силы рациональности или обосновании «священности» частной собственности).

Кроме того, изучение влияния идеологии предполагает не просто утверждение факта его наличия, но одновременно и выявление его социальных и идейных причин и последствий. Более того, идеологическое влияние может оказаться частью самого идеологического действия. В этом смысле, вера в конкретную идеологию предполагает веру в то, что система идей оказывает влияние на наше мышление и действия. Иными словами, такая вера «второго порядка» начинает играть ключевую роль в функционировании идеологий.

Третий аспект – **контекстуальное творчество** – предполагает вклад идеологий в те идейные ресурсы, на которые опирается политическая

система. Когда мы хотим оценить политический аргумент или текст с точки зрения политической философии, мы обращаем внимание на его связность, последовательность, убедительность и моральную силу. При оценке идеологий мы также не можем отбросить эти характеристики, однако не требуем от них слишком большой строгости, поскольку идеологии при таком тщательном анализе часто начинают распадаться. Чтобы понимать политические идеологии, необходимо оценивать также их воображаемые и творческие репрезентации довольно грубых, визуальных, конструктивных, экспериментаторских аспектов смеси разума и эмоций, характерных для человеческого разума. Прогресс и эксплуатация, создание и преодоление препятствий для сосуществования в обществе, структурирование власти и привилегий, уравнивание групповых требований – все это проходит сквозь фильтр идеологий. Следует добавить, что сама реальность, будучи описана в письменной форме, искажает репрезентацию. Если встать на эту точку зрения, то мир иллюзий становится *нашим* миром. Поэтому изучение идеологий – это постоянный поиск расплывчатых и затушеванных, можно даже сказать, закодированных смыслов, расшифровка понятийных «сетей», приобретающих, в конце концов, какую-то более или менее определенную форму.

Без такого творческого отношения жизнеспособность идеологий не смогла бы быть реализована, богатство потенциального выбора осталось бы ограниченным, а политика, если она вообще была бы возможна, превратилась бы в мало понятную цепь событий. Сам политический контекст стимулирует творчество. Морфология идеологий – их неограниченная гибкость и открытость к адаптации накладывающихся друг на друга и нередко противоречивых концепций – позволяет появляться самым немислимым идейным комбинациям. Никакие логические приемы не в состоянии упорядочить социальную и моральную абсурдность, присущую некоторым идеологиям, поскольку целью идеологии является удовлетворение потребности в связности, целостности. Поэтому форма и тенденции в идеологиях складываются благодаря разделяемым социальным представлениям и социальному опыту какой-то группы. Идеологии – это своего рода мосты, соединяющие временные и фрагментарные контексты, благодаря духовному и эмоциональному творческому началу, присущему политическому мышлению. Можно сформулировать это и иначе: несмотря на претензии многих идеологий на универсальность, их конкретность и реактивность на текущие события имеют решающее политическое значение.

Контекстуально-творческая характеристика идеологий, таким образом, предполагает сложное сочетание художественных и эстетических оценок, интеллектуальных суждений и эмоционального восприятия.

Нет необходимости говорить о том, что в каждой из этих составляющих имеется множество «ловушек». Если, например, идеологическое

творчество приятно с эстетической точки зрения, то оно может с помощью метафор или утопий скрыть грубые, а нередко и жестокие факты реальной действительности. Если идеология представляет собой интеллектуально сложное образование, то она столкнется с проблемами коммуникации. Такие идеологии часто недооценивают символический и подсознательный уровень восприятия, упуская из виду, таким образом, что идеологии, помимо всего прочего, это еще и фундаментальный социальный ресурс. Если же идеология слишком большое внимание уделяет эмоциональной стороне, то она может утратить самокритичность, необходимую для политической деятельности, и быстро превратится в инструмент манипуляций, к которому обычно обращаются демагоги всех мастей. В частности, идеологии часто провоцировали бунты и революции, помогали обосновывать отнюдь не позитивные акции (будь то «сверху» или «снизу»). Этого недостатка в самой конструкции нет и не может быть у политической философии, которая, несмотря на все свои претензии на практичность, все же остается в «башне из слоновой кости».

Зависимость идеологий от контекста заставляет вернуться к известной проблеме релятивизма и принуждает исследователя вводить некий критерий, позволяющий отличить крайний релятивизм от узаконенных культурных особенностей. Релятивизм в разумных пределах, тем не менее, может быть весьма полезен, естественно при наличии знания условий и сравнительной оценки альтернативных позиций, их цены и достоинств.

Наконец, четвертый аспект – это **способность идеологий к коммуникации**. Язык идеологий не носит личного характера. Этим они также отличаются от политической философии, начинающейся всегда с утверждения: «Я думаю, что...». В последние десятилетия политическая теория претерпела существенные изменения. Лингвистическая и концептуальная специализация, равно как и стремление к точности, привели к возникновению профессионального жаргона как признака принадлежности к академическому сообществу. Большинство политико-философских аргументов, поэтому, сегодня уже прямо не связаны с формулированием публичной политики, и они даже почти не влияют на общие дискурсы политических целей. Это своего рода «игра в бисер» для узкого круга профессионалов. Это – огромный шаг в сторону от традиции политического мышления, в которой работали Руссо и Берк, Хобхаус и Кропоткин, Локк и Маркс, осмысливавших, прежде всего, практическую политику и дававших реальные рекомендации по ее совершенствованию.

Особенностью наиболее важных идеологий, в отличие от политической философии, является их популярность, они говорят на языке, понятном, по крайней мере, для образованных классов общества. В конечном счете, идеологии одновременно и направлены на привлечение сторонников в массах, и, в свою очередь, создаются внутри этой массы. Поэтому и в демократических режимах, и в мобилизационных

недемократических режимах способность к коммуникации – это то, без чего политическая система вообще не может функционировать, поскольку не сможет стать объединяющим началом для больших социальных групп. Кроме того, способность к коммуникации предполагает упрощение, а также лингвистическую привлекательность. Трудность текста, типичная для политической философии, вряд ли поможет ему стать руководством к действию, или способствовать популярности в массах.

Хотя простота и доступность языка – отнюдь не уникальная черта идеологий, но она является одной из ее необходимых характеристик как особого типа политического дискурса, направленного на получение и удержание власти, и принятие решений для всего общества. Поэтому идеологические тексты так легко встретить в средствах массовой информации. Даже самые великие книги по политической философии нуждаются в «переводе» с профессионального языка на язык более доступный, если возникает необходимость в оптимизации их идеологического потенциала.

Однако способность идеологий к коммуникации на быденном языке может завести слишком далеко. Она может привести к полному искажению смысла первоначальной идеологии в силу излишнего упрощения, примеры чего мы можем найти и в демократическом, и в недемократическом контексте. В первом случае, тенденции СМИ формулировать простые «месседжи» с помощью идеологического языка приводит к тому, что упрощение становится функцией идеологического маркетинга. Во втором случае, такое упрощение отражает нежелание правящей элиты давать населению лишнюю информацию, поэтому оно становится средством идеологического «сдерживания» масс.

Имеется и еще одна весьма серьезная проблема: химера разделяемого всеми, единого языка. Понимание идентичных одних и тех же слов различается до такой степени, что это делает концептуальную коммуникацию весьма проблематичной. Когда мы говорим на политическом языке, то должны принимать во внимание семантические вариации в трактовке одного и того же понятия. В то же время, без лозунгов и сознательно интерпретированных понятий идеологии не смогут выполнить свою важнейшую функцию – интеграцию разных политических взглядов. Иногда, впрочем, некоторые идеологии предпочитают пожертвовать своей популярностью во имя сохранения «идеологической чистоты» и концептуальной исключительности.

Перечисленные четыре характеристики – типичность, влияние, контекстуальное творчество и коммуникация на повседневном языке – играют менее важную, а иногда и вообще никакой роли, в исследовании других типов политической мысли, но они являются жизненно важными для идентификации именно идеологического дискурса. Напомним, что идеологический дискурс занимает наиболее важное место в политической теории. Конечно, это не единственные характеристики идеологии, однако если мы хотим понять сущность идеологий,

они являются совершенно необходимым объектом для серьезного анализа.

Подобно идеологиям, тексты в политической философии содержат в себе «сущностно конкурентные концепции». Также как в идеологиях, даже в наиболее рафинированных философских трактатах, обращение к таким концепциям или к их конфигурациям неизбежно сталкивается с культурными ограничениями. Эти ограничения преодолевают некоторые логические построения, на которых строится аргументация в текстах. Следствием этого становится то, что эти концепции, по существу, присутствуют в политико-философских текстах в идеологических формах. Идеологическая составляющая обычно пропускается (если не игнорируется) в обычном нормативном анализе. Поэтому, в политическом дискурсе всегда присутствует некое идеологическое измерение. Именно оно несет ответственность за распределение частичных и временно значимых политических смыслов целой группы концепций, в противном случае, непонятно, что именно их детерминировало. Игнорирование этого идеологического аспекта означает утрату важнейшей стороны познания политического.

Что же в этом контексте можно сказать о нормативном, направляющем, предписывающем элементе политической мысли? Как это связано с идеологиями? И политическая философия, и идеология говорят о благе, о способе организации хорошей жизни. Однако у идеологий нет нормативной утонченности, присущей политической философии. Тем не менее, идеологии очень часто конкурируют с политической философией с точки зрения их морального влияния на политический процесс. Именно благодаря этому идеологии становятся самой богатой по содержанию и сильной по влиянию формой политического мышления.

Легитимация и
узаконивание

Итак, либерализм, социализм и консерватизм могут рассматриваться как системы концепций, организованных отчасти на рациональной, но, главным образом, на эмоциональной, культурной и исторической основе. Поэтому идеология может оказаться не вполне целостной, но, тем не менее, возможно, именно в силу своей непоследовательности она может легитимировать и объединять политические движения.

В то же время, политическая философия противостоит идеологии в ее «классическом» понимании (в интерпретации Маркса и Мангейма). К началу XXI века политическая философия уже вполне недвусмысленно размежевалась с религией и идеологией как догматическими и не терпящими критики формами жизни. От «готовых мировоззрений» политическая философия отличается «стремлением к мудрости», а не просто к абстрактной идеальной форме.

Таким образом, мы можем думать о политической философии как о противоположности идеологии, стремящейся *узаконить* (to

justify) специфическую организацию различных интерпретаций политических концепций. Политическая философия представляет связанные аргументы в защиту концепций свободы, власти, равенства, справедливости, авторитета, демократии и т. д. Она в состоянии узаконить интерпретации политических концепций, обращаясь к другим интерпретациям, другим фундаментальным ценностям и утверждениям (например, к индивидуализму или коллективизму). Далее, узаконивание, предлагаемое политической философией, позволяет поместить некоторые политические идеи в центр нашего интереса, отодвинув или вообще отбросив другие.

Узаконивание политических концепций в политической философии имеет четыре важных аспекта:

- 1) Узаконивание предполагает *выдвижение аргументов*. Оно, таким образом, не обращается ни к эмоциям, ни к предрассудкам. Поскольку оно основывается на разуме, то призвано уважать последовательность и логичность в аргументации. Обращение к противоречивым аргументам, таким образом, не может быть принято в качестве узаконивания концепции. Отсюда – первое важное отличие политической философии от идеологии: стремление мыслителя избежать противоречивости в аргументации. Поясним разницу между *узакониванием* и *легитимацией*. Политические взгляды считаются законными, если они поддерживаются разумными аргументами, не содержат внутренней противоречивости, соответствуют известным фактам и т. д. Узаконивание – вопрос разумного убеждения. Легитимация предполагает нечто иное. Политическая идеология может легитимировать какую-то политическую концепцию, если сторонники данной идеологии одобряют и принимают эту концепцию. Соображения, выдвигаемые легитимирующей идеологией, могут быть разумно обоснованными, но могут носить и эмоциональный характер, диктоваться бесосновательными культурными предрассудками или противоречивыми доктринами. Главное, чтобы люди приняли и согласились соображениями, выдвигаемыми легитимирующей идеологией.
- 2) Политическая философия идентифицирует некоторые соображения как особо важные и, как следствие, начинает рассматривать в качестве более существенных одни аспекты концепции в ущерб другим. Таким образом, аргументы и узаконивание – это наша связь с соображениями, которые, в конечном счете, имеют для нас значение. Поэтому только в рамках политической философии возможно узаконивание одной концепции, а не другой.
- 3) Но если мы можем узаконить концепцию в рамках политической философии, то насколько бы убедительной она не выглядела для нас, у нас нет способа убедить в ее законности человека, придерживающегося другой политической теории. С его точки зрения, концепция вовсе не будет выглядеть законной, поскольку соображения,

убедительные для нас, могут предстать как спорные в другой политической теории.

- 4) Однако это вовсе не означает, что ни одна из сторон, участвующих в споре, не права и что вообще никакой правильный ответ не может возникнуть в процессе дискуссии. Тем не менее, вполне возможен вариант, когда исследователь «извне» воспринимает некую доктрину как идеологию, в то время как ее адепты «внутри» считают ее узаконенной научной теорией, то есть правильной и, возможно даже, наилучшей (например, так обстояло дело с марксизмом).

Тем не менее, оставаясь на позициях науки, мы не можем утверждать, что какая-то политическая теория лучше и обоснованнее других. Столь же неверным будет также утверждение о том, что наши оппоненты во всем неправы просто потому, что мы с ними не согласны с самого начала. Признание сущностно конкурентной природы политических концепций способствует развитию толерантности в отношении взглядов, отличных от наших. Но тогда, стоит ли вообще ввязываться в спор по поводу интерпретации концепций? Если мы знаем, что правильного ответа мы так и не найдем, нужно ли тратить время на споры? Смысл в этом, безусловно, есть. Даже если однозначно правильный ответ невозможен, то можно определить самый дурной и злонамеренный ответ, показывающий, что наша позиция еще не самая плохая, разумеется, если мы избегаем фанатизма и нетерпимости. Именно это понуждает нас вступать в споры об интерпретации и узаконивании концепций.